

Тан Сю пришёл в себя и смиренно улыбнулся:

— Режиссёр, не пугайте меня. Цзян Цяо строг, но не станет сводить личные счёты.

Цай фыркнул пару раз и, не тратя больше слов, начал отдавать распоряжения по подготовке к съёмкам.

Роль У Боляна заключалась в том, чтобы изобразить хитроумного злодея, переметнувшегося от правительства Чан Кайши к японской разведке. Его сцены были не самыми важными, но именно с передачи им важной информации японцам начинался весь последующий сюжет. У Болян изначально был предан правительству, но его же коллеги подставили его. После пыток на допросе, где он сломал ногу на «тигровом стуле», он превратился в жестокого и беспощадного маньяка.

Первая сцена, которую Тан Сю должен был снять, показывала, как этот персонаж под проливным дождём, опираясь на костыль, добирается до охраны японской разведки и начинает бить в дверь. На фоне грома и молний мужчина со сломанной ногой лежит перед зданием охраны, а звук ударов по двери, добавленный на постпродакшене, должен был создать сильный эффект.

Цай показал Тан Сю сцену дважды, указывая на экран:

— Основная задача — игра лица. Просто передай эту холодную жестокость.

Решение У Боляна предать и его путь к зданию охраны были стремительными. Хотя позже он полностью превратится в холоднокровного маньяка, в этот момент нужно было показать ярость и безумие, охватившие его. Тан Сю, глядя на экран, сказал:

— Я сначала попробую, чтобы почувствовать персонажа. Посмотрите, какой вариант лучше.

Цай поднял на него взгляд:

— Цзян Цяо выбрал тебя, и ты уже говоришь с такой уверенностью.

Гроза и дождь были делом постпродакшена. Ассистент вылил на голову Тан Сю таз тёплой воды, и режиссёр дал команду начинать.

Цай сидел за монитором. Он всегда презирал Цзян Цяо, который был моложе его почти на двадцать лет, но чьи работы пользовались огромным успехом. Художественный вкус молодёжи он не мог понять, а самодовольство Цзян Цяо, считавшего себя величайшим режиссёром всех времён, вызывало у него лишь раздражение. Молодёжь слишком талантлива, и старшему поколению это не по душе.

Узнав, что Тан Сю будет сниматься в этой сцене, его первой реакцией было усмехнуться. Цзян Цяо был слишком самоуверен, раз решил выставить своего протеже на всеобщее обозрение и погубить его карьеру.

Пока Цай размышлял, камера приблизилась, и выражение лица Тан Сю стало чётче на экране. Крупный план отвлёк его.

Чёрные волосы Тан Сю, мокрые, раскинулись по лицу. Свет сделал его кожу бледной и серой, что подчёркивало глубину его тёмных глаз. Он медленно поднял взгляд, и вокруг него витала леденящая холодом аура, словно он был демоном, вырвавшимся из ада.

У него было лицо популярного актёра, но в кадре не было ни капли звёздного самолюбия. Его шея была напряжена, голова слегка дрожала от дыхания, что легко позволяло представить, как тяжело вздымалась его грудь. Его глаза, полные негодования, пристально смотрели вдаль. Дыхание постепенно успокаивалось, черты лица смягчались. Камера приблизилась, уголки его побледневших губ дрогнули, а в тёмных глазах застыли холод и высокомерие.

Цай и Тан Сю одновременно произнесли реплику:

— Откройте!

— Кат! — Цай резко поднял голову и крикнул ассистенту:

— Поднимите его!

Ли Цзыпин с несколькими помощниками бросились помогать Тан Сю подняться с пола, но тот уже сам встал, отряхнулся и с удивлением посмотрел на них:

— Режиссёр, что случилось?

Цай замер. Он сам не понял, что с ним произошло. На мгновение ему показалось, что Тан Сю не может выйти из роли, и он приказал поднять его. Он махнул рукой, сел и нажал кнопку, чтобы посмотреть запись.

Тан Сю подошёл и сел рядом, чтобы посмотреть вместе с ним:

— Как вам эта версия? Лучше предыдущей?

Цай промолчал, перемотал запись и снова посмотрел. Через некоторое время он медленно произнёс:

— Неплохо. Цзян Цяо... у него хороший вкус.

Тан Сю улыбнулся, глядя на блестящий лоб Цая. В нём была капля зависти, но очень слабая, не злобная. Такую зависть Тан Сю встречал слишком часто, она была почти у всех. Пока она не выходила за рамки, она не превращалась в настоящую злобу.

Тан Сю направился в гримёрку и вдруг подумал, что это не совсем так. У Цзян Цяо, кажется, не было и капли зависти. Но тот был слишком самоуверен, чтобы завидовать кому-либо.

Как только он подумал о Цзян Цяо, пришло сообщение от него:

[Съёмки идут нормально? Уверен, что это не повлияет на график «Плахи для лис»?]

Тан Сю усмехнулся. Этот человек не умел нормально общаться. Если хотел проявить заботу, то мог бы сказать прямо, а не упоминать «Плаху для лис».

Но он не хотел ранить эту хрупкую душу и решил быть осторожным:

[Всё идёт хорошо. Режиссёр сначала сомневался во мне, но после одного дубля сказал, что у вас хороший вкус.]

Цзян Цяо ответил через полминуты:

[Если он продолжит сомневаться, то просто не снимайся. Ты ведь не актёр, которого никто не

хочет.]

Тан Сю чуть не расхохотался. У Цзян Цяо был талант ухватить суть.

— Что-то веселое читаешь? — Ли Цзыпин внезапно появился сзади.

Тан Сю спокойно убрал телефон, и Ли Цзыпин сказал:

— Тебе повезло, сегодня последний дубль не придётся снимать перед пустотой. Лу Канцзин пришёл.

— Лу Канцзин?

Тан Сю на мгновение задумался, но потом вспомнил, что главную роль в этом фильме играл Лу Канцзин, и у него была сцена с У Боляном, где они сходились в последней схватке. Перед смертью У Болян должен был пристально смотреть на главного героя. Снимать такую сцену вслепую было сложно, и Тан Сю немного переживал, но не ожидал, что Лу Канцзин сам придёт, чтобы помочь.

Но разве он не должен был находиться в реабилитационном центре?

Лу Канцзин уже стоял у двери гримёрки. Почти месяц не виделись, и он стал гораздо скромнее. Без макияжа, кепка надвинута низко, за ним был только один ассистент. Увидев Тан Сю, он дружелюбно поздоровался:

— Давно не виделись.

Тан Сю видел Лу Канцзина без макияжа только один раз, на съёмках «Плахи для лис», и тогда его удивили необычно тёмные круги под глазами. Позже он понял, что это было из-за наркотиков. Сегодня Лу Канцзин выглядел гораздо лучше, хотя тёмные круги никуда не делись, но усталость и измождённость исчезли.

Тан Сю всё понимал, но не стал задавать лишних вопросов, только улыбнулся:

— Старший, разве вы не отдыхаете? Как нашли время для съёмок?

Лу Канцзин глубоко вздохнул и сел рядом, спокойно сказав:

— Я почти восстановился, но до возвращения ещё два месяца. Сегодня мне позвонил режиссёр Цзян и попросил помочь его человеку, вот я и пришёл.

— Ага... — Тан Сю посмотрел на телефон. Он знал, что это не мог быть Цзян Цяо. Тот был слишком гордым, и как бы он ни ценил таланты, если кто-то связывался с наркотиками, он никогда бы больше не стал с ним общаться. Тем более что изначально он выбрал Сун Мян, а не Лу Канцзина.

Тан Сю посмотрел на Лу Канцзина в зеркало:

— Старший, раз уж вы пришли, после съёмок я угощу вас ужином.

Лу Канцзин с благодарностью посмотрел на него:

— Хорошо.

Сцена с Лу Канцином была последней в этот день. Во время съёмок Тан Сю иногда бросал взгляд на Лу Канцина, сидевшего в углу. Тот выглядел рассеянным, то и дело доставал телефон, смотрел на экран и, разочарованный, клал его обратно в карман, нервно постукивая ногой.

После съёмок Тан Сю отправил Ли Цыпина домой и с Лу Канцином зашёл в маленькую чайную в киногородке.

— Он меня игнорирует, — как только они сели, Лу Канцин полностью потерял связь с реальностью.

Не нужно было говорить, что «он» — это Сун Мянью. Тан Сю был немного раздражён:

— Не может быть. Хотя он и говорил жёсткие слова перед инцидентом, но Сун Мянью не хотел полностью порвать отношения.

Он посмотрел на Лу Канцина:

— И вообще, почему вы обращаетесь ко мне с вашими проблемами?

Лу Канцин опустил взгляд на стол и тихо сказал:

— В центре я тайком навещал его несколько раз, и во время реабилитации я очень старался, прошёл через многое. Он уже начал смягчаться, когда я приходил к нему домой, он меня не прогонял, даже приготовил мне ужасную лапшу...

Тан Сю молчал.

Лу Канцин смущённо посмотрел на него:

— Он не умеет готовить, но он старался, и я это чувствовал.

Тан Сю сказал:

— Говорите по сути.

<http://bllate.org/book/16171/1449813>